

Mironjuk, Leontij Fedorovič

[Бацевич, Ф.С.; Космеда, Т.А. Очерки по функциональной лексикологии]

Opera Slavica. 1999, vol. 9, iss. 4, pp. 54-55

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117185>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

«Кто мы такие, чтобы судить что есть обеднение, регресс языка, и что есть его обогащение, прогресс?» (с. 273)

После этого существеннейшего, но по сути дела, риторического вопроса, автор очень справедливо отмечает, что все-таки мастера слова, те, кому дано, то есть работники СМИ, в ответе равно за форму, как и за содержание пропагандируемого слова. Им-то не должна прощаться никакая оплошность.

Итак, мы получаем материал, который заинтересует несомненно лингвистов, культурологов, вообще – всех гуманитаров. Это по истине настольная книга, тезаурус знаний о современном русском языке. С моей точки зрения абсолютное достоинство книги Костомарова заключается в том, что автор есть приверженец идеи антропоцентризма, и в этом русле продолжает диалог о языковом вкусе эпохи.

Иоанна Коженевска-Берчинска (Ольштын)

Бацевич, Ф. С., Космеда, Т. А.: Очерки по функциональной лексикологии. Львов 1997. 392 с.

Авторы рецензируемой книги хорошо известны в славянской лингвистической литературе. Их научно-исследовательские интересы сосредоточены главным образом на лексических проблемах в их современном «прочтении» и отличаются научной глубиной и философской обоснованностью. Неслучайно они редактировали и активно участвовали в сборнике «Провідні лінгвістичні концепції кінця ХХ століття» (Львів 1996), в котором тезисы Флория Бацевича «Шляхи розвитку філософії мови в Україні: теоантропологічний напрямок» занимают одно из значительных мест.

В представленных «Очерках» авторы исходят из особой важности семасиологического и ономасиологического подходов к языку и его словарному составу. Конечно, в подобном аспекте исследуется не только лексика отдельного языка: такой взгляд доминирует и в сопоставительной, контрастивной лексикологии (ср. хотя бы книгу В. Н. Манакина «Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки», Киев-Кировоград; разделы «Семасиологические параметры сопоставления» и «Ономасиологические параметры сопоставления»). Однако Ф. Бацевич и Т. Космеда, выдвигая функционализм как главную парадигмальную черту лингвистики конца XX века, рассматривают семасиологию и ономасиологию в качестве важнейших направлений функционального изучения лексики. Разграничивая «функции языка» и «функции языковой единицы», а затем конкретизируя такие фундаментальные понятия, как «значение», «значимость» и «функция», авторы показывают не только их взаимодействие, но и постоянный, всё порождающий функциональный динамизм. Я бы подчеркнул, что это вполне соответствует одной из основных мыслей С. Карцевского, который писал: «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы обычным собранием этикеток» (см.: «Об асимметричном дуализме

лингвистического знака»). Отсюда понятен и тот тезис авторов о создании интегральной функциональной лексикологии конкретных языков, которым должна заняться лингвистика грядущего столетия.

В структурном отношении «Очерки» состоят из двух разделов: 1. Глагольная лексика (Ф. С. Бачевич). 2. Имена предметно-признакового типа (Т. А. Космеда). Не умаляя значения функционально-семасиологического исследования имён предметно-признаковой семантики (тем более, что в постперестроечное время в сфере оценочности произошли глубокие перемены), я хотел бы сказать несколько слов о первом разделе, поскольку глагол находится также в центре моих исследовательских интересов. В своё время (см.: Леонтий Миронюк, Семантико-стилистическая типология русских и украинских зооморфических глаголов, Ольштын 1994) я упредил некоторые из выводов Ф. Бачевича, хотя мой анализ основывался на значительно меньшем по объёму материале. В отличие от автора я разграничивал бестиальные глаголы (см. «Очерки» §3.2: *котиться, нерес-титься* и др.) и зооморфические (типа *ишачить, насобачиться* и др.), что дало мне основание заметить, что глаголы способны «закодировать» (выражаясь языком автора) не только значение имени в глагольном значении, но и значение и функцию отдельных образных словосочетаний, ср.: *собаку съесть – насобачиться, прикидываться лисой – лисить* и др. Помимо того я разделяю пафос книги Дианы Вечорек «Украинский язык. Slavia Romana – Slavia Byzantina. Очерк по глагольности» (Вроцлав 1997), в которой словообразовательному оглаголиваню отводится одно из важных мест.

С точки зрения современной лингвистики, следовало бы, очевидно, подчеркнуть и циркумфиксный (конфиксный) характер таких глагольных образований, как универсальные деривационные модели *НА...СЯ* (*наговориться, нахотаться* и др.) и *НЕ...СЯ* (*не читается, не можется*), которые в значительной степени обогатили функциональную сферу русского глагола. Не совсем понятно, почему авторы «Очерков» не используют такие современные термины, как «агнотимы», «мезонимы», «поли- и монологические образования» и др., хотя анализируемые ими примеры дают для этого все основания.

В целом, «Очерки по функциональной лексикологии» производят впечатление солидного научного исследования, в котором обобщены итоги анализа русской лексики минувшего периода и намечены пути ее изучения в дальнейшем.

Леонтий Миронюк (Ольштын)

Николова, А.: Функциональная грамматика: выражение пространственных отношений в русском языке (на фоне болгарского). Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», Шумен 1997, 163 с.

Книга известного русиста, участницы международных конференций Анны Николовой является заслуживающим внимания продолжением изучения про-